

Смахтина Марина Викторовна

**РЕЛИГИОЗНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОГО ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА В ПОМЕСТЬЕ В XIX В**

На основании анализа мемуаров и беллетристики в статье исследуется, насколько организационно-хозяйственная деятельность российского поместного дворянства в поместье в XIX в. регламентировалась нормами православия. Хотя хозяйственный менталитет в России определялся религиозными нормами, по крайней мере, в первой половине XIX в., данные источников не позволили выявить ярко выраженную религиозную мотивацию занятия хозяйством или иной трудовой деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/42.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 929.733

Исторические науки и археология

На основании анализа мемуаров и беллетристики в статье исследуется, насколько организационно-хозяйственная деятельность российского помещичьего дворянства в поместье в XIX в. регламентировалась нормами православия. Хотя хозяйственный менталитет в России определялся религиозными нормами, по крайней мере, в первой половине XIX в., данные источников не позволили выявить ярко выраженную религиозную мотивацию занятия хозяйством или иной трудовой деятельности.

Ключевые слова и фразы: российское помещичье дворянство в XIX веке; система ценностей; православное религиозное сознание; организационно-хозяйственная деятельность в поместье; религиозная регламентация.

Смахтина Марина Викторовна, к.и.н.

*Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов
marinaya_sm@mail.ru*

**РЕЛИГИОЗНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОГО ПОМЕЩИЧЬЕГО ДВОРЯНСТВА В ПОМЕСТЬЕ В XIX В. ©**

Цель данной статьи – выявить на основании анализа мемуаров и беллетристики, насколько организационно-хозяйственная деятельность российского помещичьего дворянства в поместье в XIX в. регламентировалась религиозными нормами. В частности, для достижения этой цели следует решить такие задачи, как: выявить роль и место «бытового православия» и религиозности в занятии хозяйствованием; наличие религиозной мотивации труда в среде российского помещичьего дворянства; возможную трансформацию регламентирующих норм от религиозных к светским.

Следует отметить, что «бытовое православие» на протяжении XIX века во многом определяло аграрный календарь и «способствовало регулированию хозяйственных процессов». Например, «весенний выгон скота не мог состояться без общего молебна» [10, с. 345]. Церковный календарь часто лежал в основе аграрного: так, посев ярового начинался «с царя» (21-го мая отмечали день св. царей Константина и Елены [17, с. 76]); до Николая никогда не сеяли; наступление лета определялось прошедшими 40 утренниками после сбороков (9 марта – день сорока мучеников [Там же, с. 77]).

Иногда помещики относились к религии как к магии (что является признаком языческого сознания), обращаясь к православию, когда другие средства в случае сглаза не помогали. На протяжении XIX в. помещичьи дворяне прибегали к помощи «дедов» (знахарей) или священников [Там же, с. 67].

Кроме того, помещичьи дворяне гадали накануне Нового года (что строго осуждалось Церковью) не только для того, чтобы узнать свою судьбу, но и какой будет погода – дождливой, снежной или без осадков – и, соответственно, урожай. По гаданиям также предсказывали, какой будет уборка хлеба, сухой или мокрой [8, с. 53].

При этом «бытовое православие» не исключало религиозности помещичьего дворянства: любой труд, по мнению помещиков, совершался только «с помощью Божией» [4, с. 322; 11, с. 123]), в том числе и ведение хозяйства [17, с. 127]. Помещики в первой половине XIX в. полагали, что от Божьей милости зависело все, в том числе и погода, урожай: «Без Божьей милости нигде не обойдешься, никуда от нее не убежишь!» [2, с. 79; 3, с. 128, 363; 13, с. 123]. Высокий урожай и хорошая цена на зерно считались «благословением Божиим» [4, с. 321]. При этом в случае угрозы неурожая из-за засухи помещики и крестьяне всем миром служили молебен о дожде [9, с. 146].

Во второй половине XIX в., несмотря на начавшийся процесс секуляризации сознания, помещики, считавшие себя атеистами, продолжали уповать на Бога в хозяйстве. Так, известный ученый-агроном, «доктор химии и натуралист 60-х годов, атеист и материалист, отрицавший “попов” и не скрывавший своих убеждений» [Цит. по: 18, с. 560], А. Н. Энгельгардт, занявшись хозяйством, стал считать, что погода, а соответственно, дороги и урожай зависят от Бога [17, с. 54, 55, 63, 116]. Милосердием Божиим помещик объяснял раннюю весну, благодаря чему крестьянам удалось избежать голода [Там же, с. 73], и прошедший стороной град [Там же, с. 82], а богатый урожай называл «благодатью Божьей» [Там же, с. 93].

В пореформенное время помещики продолжали считать, что лучше не просить Бога, а покоряться Его воле, поскольку сам человек не знает, что для него лучше, тем более не может учесть сумму факторов, имеющих влияние в хозяйстве [Там же, с. 333-334].

Религиозные помещики считали, что Бог не оставит праведного и поможет ему приумножить свое состояние, если он полагается на помощь и милость Божью [6, с. 862]. Препоручение своей судьбы Богу, упование на Его волю в несчастье, в житейских и хозяйственных делах – будет, «что Бог даст!», – и вера, что Бог не оставит, часто трансформировались на протяжении XIX в. в надежду на авось, в безответственное отношение к собственной жизни и будущему своей семьи; хозяйство велось помещиками по старинке, спустя рукава [3, с. 344, 349, 350; 4, с. 323, 346, 368-369, 410; 12, с. 56; 15, с. 656].

Совершение молебнов для нужд хозяйства, если обычные средства не помогали, во второй половине XIX в. также было обычным делом [17, с. 67, 70]. Так, например, на скотном дворе в имении А. Н. Энгельгардта ежемесячно совершались водосвятия; сам помещик обыкновенно присутствовал на службе и затем приглашал

к себе священников «закусить и выпить чаю», поскольку считал «беседы с попами», хорошо знающими быт народа, «полезными и поучительными» [Там же, с. 44].

В мемуарах встречаются примеры использования религиозной риторики применительно к хозяйству для достижения той или иной рациональной цели. Так, мемуарист В. И. Алтуфьев, преследуя, прежде всего, свои корыстные цели – получение дополнительных рабочих рук в хозяйство, апеллировал к традиционным религиозным нормам – уважению родителей. Помещик с горечью сообщал в 1834 г., что братья его жены, обязанные передать ей пятерых дворовых людей мужского пола с женами и детьми, назначенными ей по духовному завещанию их матери, не исполнили его, презрели материнскую волю, обидели сестру и «осрамили себя пред светом». Характерно, что при этом он апеллировал не только к религиозным нормам, но и к кодексу чести благородного человека [1, с. 123]. (Низость – это негативное качество, недопустимое для благородного человека). Данная цитата является ярким примером переходного типа сознания – от религиозного к секуляризованному.

В мемуарной литературе, описывающей быт помещиков в первой половине XIX в., не удалось зафиксировать религиозную мотивацию труда, хотя она встречается в художественной литературе. Конфессиональная мотивация труда представлена, прежде всего, в творческом наследии Н. В. Гоголя, известного своей религиозностью и призывающего вернуться к православной трудовой этике ради спасения души. По сути, данный пример является единичным случаем. (Один из главных источников по основам праведной хозяйственной жизни для Гоголя – «Домострой» [7, с. 35-37]).

Религиозная мотивация хозяйственной деятельности предполагала, что богатство, крепкое хозяйство, как и сама добродетельная жизнь, являются производными веры, следствием христианской жизни, в то время как основная цель жизни христианина – не накопление богатства, а спасение души. Так, Н. В. Гоголь отмечал, что у крестьян «богатый хозяин и хороший человек – синонимы», а праведно живущие крестьяне богаты [3, с. 475, 478].

В образе Констанжогло во втором томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголь пытался показать возможность праведной хозяйственной активности. Страсть к обогащению в хозяйствовании является следствием «неправедного хозяйства», где преследуется исключительно частный, корыстный интерес, в то время как христианская этика отвергает принцип экономического индивидуализма [Цит. по: 7, с. 36-37]. Герои-помещики второго тома относятся к труду как к высшей нравственной ценности, «наслажденью»; работой по благоустройству имения помещик подражает самому Богу, становясь «творцом благоденствия и стройного течения дел» [3, с. 338-339]. Смысл жизни – в труде, каждый человек должен исполнять свой долг на земле, «не отрываясь от того места и угла, на котором он поставлен» Богом [Там же, с. 375]. Трудясь на своем поприще и исполняя закон Божий, человек служит Богу, а не себе [3, с. 365-366; 7, с. 36-37].

Не управлять надлежащим образом имением, которое расценивается как сокровище, – это, по мнению писателя, бесчестить Божий дар [3, с. 345]. В этом свете сама мечта Павла Чичикова стать «хорошим хозяином», заниматься «праведным хозяйствованием» не является обыденной, заурядной, поскольку в праведном устройении хозяйственной жизни заключается «основная и первая задача христианского преобразования жизни» [Цит. по: 7, с. 38]. Однако следует учитывать, что герои-помещики Н. В. Гоголя представляют собой идеальный тип, далекий от реальной практики экономического хозяйствования российских помещиков.

Л. Н. Толстой, который также субъективен, развивает мысль Н. В. Гоголя. Помещик Константин Левин из романа «Анна Каренина» также рассуждает о труде в религиозных категориях и видит в нем смысл жизни и назначение человека [14, с. 283]. Для героев-помещиков А. П. Чехова – Сони и ее дяди Ивана Войничкого – цель и смысл жизни – в долге, труде для других и самопожертвовании, чем они могут заслужить у Бога за гробом «жизнь светлую, прекрасную, изящную» [16, с. 558]. Герой романа Ф. М. Достоевского (который, как и Н. В. Гоголь, является религиозным писателем) Дмитрий Карамазов считает, что свою распутную жизнь у Бога они с Грушей могут искупить только тяжелым физическим трудом, через который придет их духовное возрождение [5, с. 281].

Таким образом, хозяйственный менталитет в России регламентировался религией, особенно в первой половине XIX в. (34 цитаты из мемуарной и художественной литературы столетия свидетельствуют об этом). Для российского помещичьего дворянства на протяжении XIX в. было характерно «бытовое православие». Причем тенденция соблюдения обрядового православия без должной религиозности была характерна для второй половины XIX в. в связи с секуляризацией сознания. Переходный тип сознания – от религиозного к секуляризованному – был зафиксирован уже в первой половине столетия. Показательно, что новый тип сознания выразился в старых – религиозных формах, но уже относительно обмирщенных по содержанию. Таким образом, можно говорить о частичной трансформации регламентирующих норм организационно-хозяйственной деятельности российского помещичьего дворянства в сторону светских.

Данные источников не позволили выявить ярко выраженную религиозную мотивацию занятия хозяйством или иной трудовой деятельности в первой половине XIX в. Религиозная мотивация труда была обнаружена только в художественной литературе второй половины XIX в., что свидетельствует о понимании ценности труда только к концу столетия, и то только отдельными авторами.

Список литературы

1. Алтуфьев В. И. Памятные домашние записки Вас. Иван. Алтуфьева. Веденные с 1785-го в разное время в Москве, Ростове (на Дону), Кременчуге, Вильне и Раздолье // Шукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 34-129.
2. Галахов А. Д. Из записок человека // Русский вестник. 1875. Т. 120. № 11. С. 62-82.
3. Гоголь Н. В. Драматические отрывки и отдельные сцены. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Слово/Slovo, 2000. 568 с.

4. Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Обыкновенная история. Обломов. Письма столичного друга к провинциальному жениху. М.: Слово/Slovo, 2000. С. 273-680.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Lexica, 1994. Т. 7.
6. Карпинская Ю. Н. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1897. Т. 70. № 12. С. 853-870.
7. Лазарева А. Н. Мистика и нравственно-религиозное самосознание // Этнос религиозного опыта. М., 1998. С. 35-37.
8. Лелонг А. К. Воспоминания Анны Козьминичны Лелонг // Русский архив. 1913. № 7. Кн. 2. С. 52-103.
9. Лесков Н. С. Юдоль // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 11.
10. Лещенко В. Ю. Семья и русское православие (XI-XIX вв.). СПб.: Изд-во Т. В. Фроловой, 1999. 394 с.
11. Пушкин А. С. История села Горюхина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 4-е. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
12. Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 4-е. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1988. Т. 6. С. 5-255.
14. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман: в 8-ми ч. Л.: Художественная литература, 1979. Ч. 1-4. 448 с.
15. Чехов А. П. Вишневый сад: комедия в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
16. Чехов А. П. Дядя Ваня: сцены из деревенской жизни: в четырех действиях // Чехов А. П. Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2.
17. Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
18. Энгельгардт Н. А. Эпизоды моей жизни: отрывки // Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999. С. 558-571.

RELIGIOUS REGULATION OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE RUSSIAN LANDED GENTRY IN ESTATE IN THE XIXTH CENTURY

Smakhtina Marina Viktorovna, Ph. D. in History
Institute of Foreign Languages of Peoples' Friendship University of Russia
marinaya_sm@mail.ru

The author, basing on the analysis of memoirs and fiction, researches how the organizational and economic activity of the Russian gentry was regulated by the rules of Orthodoxy in the estate in the XIXth century. Although economic mentality in Russia was determined by religious norms, at least in the first half of the XIXth century, the data of sources did not allow revealing the pronounced religious motivation of housekeeping or other labour activity.

Key words and phrases: the Russian landed gentry in the XIXth century; system of values; Orthodox religious consciousness; organizational and economic activity in estate; religious regulation.

УДК 172.12

Философские науки

В статье проблема справедливости рассматривается в контексте прав человека. В настоящее время наблюдается неправомерное уравнивание прав человека как произволения общества и государства, гарантирующих ему нормальную жизнь, с правами субъективного произвола, независимо от того, кто пытается их реализовать на деле, что порождает противоречивую систему «двойных стандартов», зачастую весьма далеких и от рационально фиксируемой справедливости, и от элементарного и всем привычного законодательства.

Ключевые слова и фразы: справедливость; уравнивающая и распределяющая справедливость; равенство; неравенство; права человека; антропологизация права; правосознание.

Соина Ольга Сергеевна, д. филос. н., профессор
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)
sabirov-soina@211.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА[©]

Понятие справедливости имеет преимущественно этико-правовой и социально-гражданский статус. Однако оно является категорией не только этики и морального сознания, философии права и практической юриспруденции, но также и социальной философии и политологии. Справедливость в виде проблемы воздаяния человеку по заслугам к тому же – одна из важнейших в нравственном богословии и духовной жизни человека. Словом, справедливость – это та тема, на которой «сошлись» разные гуманитарные науки и формы культуры. В этой связи этическая теория не может абстрагироваться от всех ракурсов справедливости, но должна по возможности детально их исследовать и каким-то образом интегрировать в свое содержание, не теряя при этом своей специфики.